

УДК 82.091

**«РУССКИЙ МИФ» И «КОМПЛЕКС МАРКИЗА ДЕ КЮСТИНА».
ЧАСТЬ I: КРЫМ И «ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ»**

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

Рассматривается один из аспектов бытования европейского мифа о России. Этот миф зачастую совмещал в себе взаимоисключающие мифологемы. Основное внимание сосредоточено на формировании легенды о «потемкинских деревнях», на роли, которую в конце XVIII – XIX вв. играла эта легенда в общих представлениях Запада о России. Отправной точкой для анализа служит сочинение маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году», которое, благодаря своей изначальной популярности, может служить одним из наиболее показательных объектов для имагологических наблюдений. В книге Кюстина рельефно проявилась амбивалентность европейского мифа о России: страна одновременно предстает пугающе сильной и фатально слабой. Этот алогизм мы называем «комплексом маркиза де Кюстина». Известная кюстиновская метафора «царство фасадов» послужила расширению смысла возникшей в конце XVIII в. легенды о «потемкинских деревнях», в той же эпохе следует искать политические и психологические истоки «комплекса маркиза де Кюстина».

Ключевые слова: имагология, Крым, Потемкинские деревни, Крымский вояж, Кюстин, Екатерина II, амбивалентность мифа.

ВВЕДЕНИЕ

Межнациональное восприятие исконно мифологично, и потому научная интерпретация всякого литературно-имагологического факта требует, с одной стороны, анализа исторического и литературного контекста, но с другой – выявления традиционной мировидческой схемы, по которой клиширован факт. Важная особенность мифомышления – расщепленность восприятия: один и тот же объект может видеться и привлекательным, и отталкивающим. В свое время мы обратили внимание на эту особенность, исследуя отражение России во французской литературе XIX в. Основные черты «русского мифа» на протяжении эпохи оставались содержательно неизменными, но имели способность не только менять свою ценностную полярность, но и объединять в себе взаимоотталкивающие «заряды» [32, с. 61]. Так, мифологема «казака» рождала страх и одновременно – любопытство; представление о «русской азиатчине» заставляло смотреть на Россию с позиций цивилизационного превосходства, но в то же время наделяло образ России притягательностью экзотики и т. д. Мы назвали эту особенность «бинарностью имагологического мифа» [32, с. 61], однако сегодня более точным нам представляется определение, предложенное голландским профессором Й. Леерссеном. Ученый обратил внимание, что имагологические образы («имагемы»), подобно Двудликому Янусу, «противоречивы», и охарактеризовал это свойство как «амбивалентность» [50, с. 278–279]. Помимо точности обозначения, этот термин подчеркивает связь между литературными имагообразами и архаичным

мифом, который, по утверждению В. Р. Кабо, «амбивалентен»: «для него характерно совмещение и сближение противоположностей» [19, с. 246].

Цель нашей статьи – проследить, как амбивалентность мифа реализовалась в литературно-имагологическом «уравнении» «сила и слабость» России. Отправной точкой послужит сочинение маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году», которое, благодаря своей длящейся известности, может служить одним из наиболее показательных объектов для имагологических наблюдений.

Как известно, летом 1839 г. Кюстин совершил поездку в Россию, по впечатлениям которой в 1843 г. опубликовал книгу, сразу ставшую бестселлером. Она была переведена на европейские языки и, если верить Дж. Ф. Кеннану, за два-три года разошлась количеством в 200 тысяч экземпляров [20, с. 97]. В результате, отмечает В. А. Мильчина, в Европе «никакой разговор о России уже был немыслим без упоминания этой шумевшей книги» [28, с. 248]. Сейчас бы сказали, что издание имело яркую антироссийскую направленность. Критика автора обрушилась, кажется, на всё, попавшееся на глаза: российские пространства, бульжник мостовых, архитектуру городов и, разумеется, на государственные порядки и общественные нравы. Многие умозаключения Кюстина превратились в навязчивые ярлыки. Скажем, истоки метафоры «Россия – тюрьма народов» исследователи обнаруживают именно в его книге [5, с. 15]. Красной нитью сквозь повествование проходит мысль об иллюзорности видимого состояния России и об ущербности ее истинного положения. Эта стержневая идеологема афористично выражена фразой «царство фасадов» [24, с. 497]. Но важно вот что: с одной стороны, Кюстин убеждает, что мощь России является фантомной, а с другой – подводит читателя к мысли, что «русский народ должен утратить способность ко всему, кроме завоевания мира» [24, с. 304], и это является серьезнейшей угрозой для Европы. Возникал очевидный алогизм: Россия оказывалась одновременно и слабой, и пугающе сильной.

Поскольку это противоречие встречается во множестве иных источников, мы не можем списать его на невнимательность А. де Кюстина. Этот алогизм, как увидим далее, – литературная закономерность и своеобразный психологический комплекс. Поскольку в рассматриваемой книге этот алогизм выражен наиболее рельефно, то полагаем справедливым называть его «комплексом маркиза де Кюстина».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Кюстиновская метафора «царство фасадов» явилась расширением смысла широко известной к тому времени легенды о «потемкинских деревнях». Кому принадлежит само сочетание «потемкинские деревни», не ясно [2, с. 277], но известно, что миф о стремлении Г. А. Потемкина в ходе Таврического вояжа Екатерины II выдать декорации за реальные населенные пункты создавался иностранными дипломатами, которые либо сопровождали Екатерину [13, с. 98], либо тиражировали «чужие толки» [26, с. 473–474]. Более того, как фиксирует А. М. Панченко, светские слухи о так называемых «потемкинских деревнях» распускались недоброжелателями светлейшего князя еще до начала путешествия [35, с. 413–414].

Чтобы понять природу мифа о «потемкинских деревнях», следует понять психологический настрой иностранных спутников Екатерины II. А для этого необходим небольшой исторический экскурс.

Россия веками считалась державой, не играющей существенной роли в европейской политике. Петр I значительно поколебал это мнение, а политика Екатерины II окончательно его разрушила, и в Европе это воспринималось болезненно. Удачи Екатерины II в «польском вопросе», подорвали влияние Франции и побудили последнюю в 1768 г. спровоцировать русско-турецкую войну для сдерживания России. Результаты оказались противоположны ожидаемым: Россия продемонстрировала значительные военные возможности и, кроме прочего, отбила у Турции северный плацдарм – Крымский полуостров.

Это убеждало Европу, что с военным ресурсом России следует считаться, однако оставляло сомнения в состоятельности административно-экономических и дипломатических потенциалов «северной империи». А именно от этих факторов зависело, сможет ли Екатерина конвертировать военные достижения в территориальные и геополитические преимущества. Наиболее сложная ситуация складывалась с Крымом. Полуостров был отрезан от экономических центров России огромными пространствами необжитых степей, и удерживать его военной силой в виду турецкого флота, безраздельно владевшего Черным морем, было проблематично. Кроме того, присоединение Крыма вызвало бы давление со стороны европейских держав, прежде всего – Франции, которые видели в этом угрозу своим интересам на Востоке [44, с. 58]. Учитывая все это, еще в 1770 г. было решено «не присоединять Крыма к России, а добиваться превращения его в независимое государство» [12, с. 167]. Так по результатам Кючук-Кайнарджийского мира Крым получил статус независимого государства под опекой России и Турции.

Установился баланс сил, зыбкость которого стала очевидной раньше, чем Кючук-Кайнарджийский договор был ратифицирован: в июле 1874 г. турки десантировались под Алуштой с целью отбить полуостров, но были сброшены в море. (Именно в этом сражении М. И. Кутузов получил ранение, повредившее ему глаз). В 1775 г. турецкий ставленник Девлет-Гирей силой оружия захватил власть в Крыму и, по сути, подчинил полуостров султану. Россия ответила тем же: в 1777 г. помогла собственному ставленнику, Шагин-Гирею, свергнуть турецкого протеже. Этим дело вовсе не кончилось: дальнейшие годы история Крыма представляла собой череду переворотов, которые сопровождалась со стороны Турции – нарушением «красных линий», а со стороны России – «симметричными ответами». Европа привыкла, что Крым – горячая точка, которая постоянно сковывает российские силы на юге: на границе беспокойного ханства России приходилось держать войска, что обошлось казне в 7 млн. руб. [3, с. 103]

По убеждению Г. В. Вернадского, «русская дипломатия не знала, в конце концов, что ей делать с Крымом»: «линия русской политики была не прямая, а ломаная» [6, с. 1], поскольку ограничивалась тактикой «действуй по обстановке». Екатерина II при этом проявляла гораздо больший интерес к западным делам, где в результате русская дипломатия смогла значительно повысить свой авторитет. В 1775 г. Англия запросила военную помощь у России для усмирения

североамериканских колоний. И хотя предложение сулило выгодный союз, Екатерина отказала, благодаря чему не только сберегла войска, улучшила отношения с Францией, но и сохранила европейское равновесие, которое было «*idée fixe* дипломатов XVIII в.» [39, с. 58]. В 1779 г. Россия заняла взвешенную позицию посредника в переговорах о «баварском наследстве», что было оценено Францией и наметило сближение с Австрией [45, с. 146]. Почти в то же время Россия сумела создать военно-морской союз (лига нейтральных государств), который позволил совместными усилиями пресечь пиратские выходы английского флота [1, с. VII] и дал России статус самостоятельного международного арбитра [45, с. 94–95]. Европейские державы начинали находить выгоду от сближения с Россией. Екатерина верно оценивала силу европейского прагматизма, и потому писала Г. А. Потемкину: «На зависть Европы я весьма спокойно смотрю: пусть балагурят, а мы дело делаем» [15, с. 182].

Между тем ситуация в Крыму деградировала. Начиная с 1769 г. (с тех пор, как Крым Гирей вторгся в российские пределы) Ханство постоянно находилось в состоянии войны и междоусобицы. Полуостров все чаще накрывали волны голода и эпидемий. Идея суверенитета при этом утратила привлекательность, поскольку ханство было расколото на пророссийскую и протурецкую партии, и ни одна из них не могла прийти к власти без помощи внешних покровителей. Это, с одной стороны, превращало независимость в фикцию, поскольку победители оказывались заложниками внешних сил, а с другой – делало борьбу за власть бесперспективной и кровопролитной, поскольку проигравшие неизменно получали поддержку извне для осуществления реванша.

В такой ситуации Екатерина II и приняла решение о присоединении Крыма. Манифест был обнародован летом 1783 г. – когда присоединение уже состоялось и фактически, и юридически: хан отрекся от престола, а крымское население торжественно присягнуло на верность России. Это событие ошеломило Европу. С нотой протеста выступила лишь Франция, чей голос угас во всеобщем дипломатическом безмолвии.

Все дошедшие до нас документы свидетельствуют, что присоединение Крыма стало решением спонтанным, обусловленным ситуативным стечением внешних и внутренних обстоятельств. Однако внезапность и бесповоротность этого события рождали мысль о заранее продуманном и тщательно подготовленном характере произошедшего. Словом, рождался миф, ныне обозначаемый мемом «хитрый план России». Все это подогревалось слухами о пресловутом «Греческом проекте» Екатерины II.

В реальности никакого «проекта» не было. В 1781 г. Австрия и Россия заключили оборонительный союз. Екатерина II и Иосиф II действительно обсуждали программу действия на случай турецкой агрессии [16, с. 120–121]. Екатерина предлагала [37, с. 281–291], отразив нападение турок, овладеть ее территорией и создать два независимых государства: Дакию (на основе Молдавии, Валахии и Бессарабии) и Грецию (со столицей в Константинополе и с воцарением там внука Екатерины – Константина Павловича [18, с. 290]). Иосиф II предлагал попросту аннексировать значительные территории Балканского полуострова. В итоге точек соприкосновения

найти не удалось, и эти планы остались на уровне разговоров и переписки между двумя монархами. Реальной политической проработки они не получили.

Ни в одной из турецких войн Екатерины захват Константинополя по множеству причин целью не ставился. Это, впрочем, не мешало императрице «играть» на европейских страхах. Например, в 1772 г. она в полный голос заявляла о готовности русской армии идти на Стамбул и этим «месседжем» стимулировала уступчивость Турции на будущих мирных переговорах [23, с. 68–70]. Но в Европе и до той поры существовало убеждение, что цель России – Константинополь. Еще в 1768 г. Вольтер писал Екатерине по поводу обострения отношений с турками: «Ежели они объявят Вам, всемилостивейшая государыня, войну, легко может то случиться, что в рассуждении их ПЕТР Великий имел в виду, то есть, чтоб Константинополь сделать столичным городом Российской Империи» [38, с. 37–38].

Сама придворная жизнь России, казалось бы, доказывала всякому иностранцу, что захват турецкой столицы – стратегическая и близкая к осуществлению задача российской императрицы. Осознание Россией себя как третьего Рима конструировало мифопоэтическую модель, где освобождение Константинополя виделось сакральной миссией русских монархов. Эта мысль звучала «общим местом» в одах и комплиментарных текстах. И то, что российским обществом воспринималось как реальность чисто идеологическая, иностранными гостями должно было восприниматься в качестве «политической реальности» [10, с. 14] – в аналогии с западноевропейскими крестовыми походами. История демонстрировала, что идеология следует за политической конъюнктурой, а не наоборот: как отмечает О. М. Гончарова, присоединенный Крым («Крым-Таврида») в русском мифопоэтическом сознании быстро стал метонимической заменой «Греции-Константинополя» [9, с. 97]. Однако зарубежным гостям трудно было разглядеть эту «замену», и идеологема «освобождение Царьграда» продолжала восприниматься как императив русской политики. Дополняло «картину» эллинофильство Екатерины II, которое было отпечатком эстетико-философских традиций западного Просвещения, но в котором, при субъективном настрое оптики, можно было разглядеть контуры внешнеполитической доктрины.

Итак, итоги русско-турецкой войны 1768–1774 гг. продемонстрировали, что русское оружие способно одерживать внушительные победы над турками; успехи дипломатии высветили, что Россия обладает высоким уровнем международной самостоятельности, которая не замедлила материализоваться в процессе присоединения Крыма. Для Запада невыясненным оставался лишь один вопрос: сумеет ли империя освоить экономически то, что было приобретено усилиями армии и дипломатии. Именно на этот вопрос и искали ответ западные дипломаты, отправляясь в 1787 г. вместе с Екатериной II в Крым.

Организаторы путешествия преследовали сразу несколько целей. Это был и «отчет» перед императрицей об авральных трудах последних лет, и инструмент административной мобилизации на местах, и знак для столичных чиновников, что юг России остается государственным приоритетом. В то же время путешествие Екатерины демонстрировало миру, что «крымский вопрос» не подлежит ревизии и уже имеет существенные позитивные следствия: восстановление мирной жизни и

хозяйственной деятельности, оптимизация торговых путей и проч. В данном случае масштаб российских успехов пропорционально уменьшал готовность европейских политиков вести разговоры о возвращении Крыма: европейским державам отправлялся недвусмысленный сигнал, что, вложив в Крым значительные ресурсы, Россия ни при каких обстоятельствах от полуострова не откажется.

Это был типичный «представительский вояж» [29, с. 318]. Такого рода путешествия известны всем государствам и эпохам. «Казовая сторона положения дел» [29, с. 318] имеет здесь, так сказать, «жанрообразующее значение». Представительский вояж предполагает декорирование реальности точно так же, как ода – использование возвышенной лексики. Г. А. Потемкин проявил недюжинную изобретательность, сопроводив маршрут театральными и визуальными эффектами, и в известной степени превратил Таврический вояж даже не в классику, а в эталон жанра. Но в любом случае зарубежными дипломатами декорации должны были восприниматься как традиционная условность, а не подлог реальности.

До Киева процессия двигалась по хорошо обжитым местам и повсюду встречала светские увеселения. Далее путь продолжился по Днепру на специально построенных галерах. «Открытие новых земель», по существу, началось лишь с Екатеринослава. Здесь участники путешествия заложили Преображенский собор, что и считается официальным моментом основания города [42, с. 8]. То есть, в Екатеринославе путешественники смогли познакомиться лишь с благими планами создать среди степей рукотворные «оазисы» [7, с. 32–34]. Но вот в Херсоне их ждало уже нечто, похожее на чудо, – молодой город с изрядной крепостью, адмиралтейством и верфями.

Стоит напомнить, что решение о создании Херсона было принято в 1778 г. Выбранная пустынная местность была удалена от источников строительных материалов и рабочей силы. Хотя как-то «опереться» можно было лишь на старое земляное укрепление Александр-шанц, построенное еще во времена Миниха [46, с. 2]. Тем не менее, уже в 1783 г. с херсонских верфей был спущен первый линейный 66-пушечный корабль «Слава Екатерины» [22, с. 11]. А в 1787 г. спутники Екатерины смогли принять участие в спуске на воду нескольких военных кораблей [35, с. 417–418]. Такая скорость строительства могла бы считаться впечатляющей даже при современных возможностях. Но спутников Екатерины она поражала тем больше, что они сознавали стратегическую важность этого пункта.

Начиная с XV в. Черное море в военном и торговом отношениях, по существу, было «внутренним “турецким озером”» [34, с. 20]. Прочное положение России в Северном Причерноморье было невозможным без создания здесь собственного флота. Этому, однако, препятствовали серьезные объективные трудности: кроме военного давления турок – отсутствие подходящих гаваней, верфей, близких источников корабельного леса. Тем не менее проблему начали решать уже в эпоху русско-турецкой войны 1768–1774 г. На Дону – на пепелище старых петровских верфей – были спешно построены суда Азовской флотилии, которая успела в эту кампанию оказать заметную помощь русским сухопутным силам в Крыму [25, с. 295–299]. Однако мелководное русло Дона не позволяло строить корабли достаточной боевой мощи, и потому Потемкину пришлось заводить верфи на новом месте – на

берегу Днепра близ его впадения в Днепровский лиман Черного моря. Так возник Херсон. И вот теперь, в 1787 г., зарубежным гостям Екатерины была продемонстрирована возможность России строить на Черном море большие корабли, а стало быть, создать полноценный военный флот.

Через несколько дней процессия путешественников была уже в Крыму. Планы Екатерины II по обустройству полуострова подразумевали гражданское развитие: в сфере хозяйства, торговли, наконец, национального образования [33, с. 139]. Но реализация замыслов всецело зависела от способности защищать Крым от турецких притязаний. И сейчас Россия смогла показать иностранным дипломатам стоящую в Севастополе готовую к бою эскадру: 27 судов, среди которых – 3 линейных корабля и 9 фрегатов [8, с. 101–103] (не считая судов, только что спущенных в Днепровский лиман). Представление флота Потемкин обставил, не скупясь на эффекты торжественности и внезапности. Когда путешественники очередной раз остановились для отдыха, то из шикарно драпированной залы перед гостями неожиданно открылся вид на Севастопольскую бухту с выстроенными в боевом порядке и салютующими кораблями. Этот момент колоритно передан в фильме М. Ромма «Адмирал Ушаков» 1953 г. (хронологические метки 00.40.30–00.43.30).

Впечатление оказалось велико. Вот как оно отразилось в записках французского посланника графа де Сегюра: «Между тем, как их величества сидели за столом, при звуках прекрасной музыки внезапно отворились двери большого балкона, и взорам нашим представилось величественное зрелище. <...> Мы увидели залив <...>; посреди этого залива в виду царской столовой выстроился в боевом порядке грозный флот, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный в два года. Государыню приветствовали залпом из пушек, и грохот их, казалось, возвещал Понту Эвксинскому о присутствии его владычицы и о том, что не более, как через 30 часов, флаги ее кораблей могли развеяться в виду Константинополя, а знамя ее армии – водрузиться на стенах его» [40, с. 213–214; 51, р. 66–67].

Для французского посланника не могло быть тайной, что турецкий флот, которому Франция в это время помогала готовиться к войне против России, значительно превосходит севастопольскую эскадру: пятикратно по числу линейных кораблей, и четырехкратно по числу иных судов [17, с. 95]. Простейшие расчеты должны были подсказать, что продемонстрированных Потемкиным сил недостаточно для успешного похода на Стамбул и едва хватит для обороны Крыма. Но эмоциональный эффект оказался сильнее аналитических средств и заставил французского дипломата (судя по всему, и других гостей) уверовать в «русскую угрозу» для Турции.

Психологически это объяснимо. Иностранные дипломаты оказались вырваны из обжитого, в деталях известного мира геополитической действительности. Они оказались на территории, еще недавно закрытой для европейцев, и столкнулись с неожиданными картинами. Они оказались как бы перенесены в пространство геополитического мифа, в котором, за отсутствием точных сведений, все приходилось объяснять по продуманным «подсказкам» Потемкина и при помощи традиционных, мифологизированных представлений и максим. И поэтому мощь России виделась неизмеримой, ее ресурсы – неистощимыми, а ее стремление

осуществить «хитрый план» и захватить Константинополь – неотвратимым. Этот миф оказывался настолько пугающим, что требовал психологического нейтрализатора, противовеса, который тут же и был найден и сформулирован самими участниками екатерининского путешествия.

Подробности показательного в этом отношении диалога передает тот же граф де Сегюр. Пораженный увиденным в Севастополе, он делился размышлениями с другим спутником Екатерины – императором Священной Римской империи Иосифом II: «<...> Могущество России более кажущееся, нежели твердое. <...> Здесь более блеска, чем прочности, <...> за все берутся, ничего не довершают. Потемкин легко бросает то, за что принялся с жаром; на месте Екатеринослава он заложил город, который будет необитаем, и огромный храм, в котором, может быть, не будут никогда молиться. <...> Херсон построен на неудобном месте и окружен болотами. Корабли не могут входить туда с грузом. В последние десять лет степи опустели более прежнего. <...>. Один Севастополь теперь уже довольно значителен; но нужно много времени, чтобы он стал настоящим городом. Позаботились все украсить, нарядить, оживить на срок, на показ императрице; но лишь только императрица уедет, то вместе с нею исчезнут все прикрасы этого обширного края. Я знаю князя Потемкина. Он произвел театральный эффект, и занавес опускается <...>» [40, с. 227–228; 51, р. 84–85]. Не нужно обладать глубокими историческими знаниями, чтобы констатировать: прогнозы де Сегюра (кроме разве что судьбы колоссального собора в Екатеринославе [35, с. 420]) не сбылись. Функция этих прогнозов имеет не историческую, а психологическую прагматику – хоть отчасти «сбалансировать» миф о «русской угрозе». Это чистое воплощение психологического «комплекса маркиза де Кюстина», заставляющего одновременно и бояться российской мощи, и считать эту мощь иллюзорной.

Характерно, что сходную двойственность ощущений переживал и собеседник Сегюра Иосиф II. Сначала он замечал, что в России «более блеска, чем дела» [40, с. 201] (“plus d'éclat que de réalité” [51, р. 52]), но вскоре высказывал мысль, по существу, противоположную: «В России приказание исполняется немедленно. Если бы какой-нибудь Карл XII был во главе этого народа, он бы с 600 000 человек заставил трепетать Европу» [40, с. 201; 51, р. 85].

Мы наблюдаем формирование мифологемы «потемкинских деревень» и видим, что она не вытесняла мифологему «русской угрозы», а уживалась с нею. Сегюр стремится подобрать для этого противоречия аллегорический образ: он вспоминает, что Д. Дидро якобы назвал Россию «колоссом на глиняных ногах» [40, с. 228] («colosse aux pieds d'argile» [51, р. 85]), но тут же уточняет от себя, что «этой глине дали окрепнуть, и она превратилась в бронзу» [40, с. 228; 51, р. 85]. Получилось парадоксальное нагромождение взаимоисключающей семантики (опора «колосса» непрочная, но прочная), и именно это образное соединение несоединимого оказывается, пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией «комплекса маркиза де Кюстина».

Однако вернемся к метафоре «потемкинские деревни». Она, как помним, «сформулировалась» уже после Таврического вояжа, и характерно, что на роль компонента «деревни» порою претендовали другие объекты, бывшие на слуху после

высочайшего путешествия в Крым. Во-первых – корабли Черноморского флота. Саксонский дипломат фон Гельбиг, который считается одним из самых активных пропагандистов мифа о «потемкинских деревнях» [26, с. 473–474], утверждал, что в Херсоне гостям Екатерины под видом военных кораблей представили старые гражданские суда [27, с. 41].

Мы объясним, почему этот «сюжет» оказался нежизнеспособен, но сначала приведем пассаж из другого характерного текста. Речь идет о книге «Вокруг трона» (1894) польского автора К. Ф. Валишевского, жившего во Франции и, по оценке современника, трактовавшего русскую историю «на французский лад» [21, с. 230]. Читаем о Г. А. Потемкине: «В 1787 году, сопровождая императрицу в Инкерман, где пред ее приездом был выстроен для нее дворец, он устраивает прием таким образом, что она не может в течение нескольких часов определить своего местопребывания <...>. Дворец был построен из песчаника и вскоре развалился, эскадра была построена из сырого леса и сгнила еще раньше, но произведенный эффект был чрезвычайный» [4, с. 61]. Очевидно, что «дворец из песчаника» и «сгнившие корабли» – образы-заместители для «потемкинских деревень».

Начнем с кораблей. Указание на «сырой лес», из которого они строились, соответствует истине. Создание Черноморского флота по многим параметрам напоминало историю Балтийского флота. Известно, что Петр I не располагал запасом времени и материалов, чтобы следовать классической технологии кораблестроения. Поэтому вместо выдержанного дуба на русских верфях использовалась плохо высушенная лиственница. В целях военно-политической необходимости приоритет отдавался скорости постройки в ущерб долговечности.

Ситуация, в которой оказался Потемкин, была не менее сложной. Флот на Черном море предстояло построить в местности, полностью лишенной корабельного леса и всякой инфраструктуры, в условиях эпидемий чумы и военных угроз. Информация о подготовке Турции к войне не оставляла сомнений, что для создания собственного флота в распоряжении России есть всего несколько лет. Как отмечает В. Ф. Головачев, «Потемкину не было времени заводить в черноморском флоте приспособления в пользу долговечности его судов: он заводил только те из возможных приспособлений, которые могли усиливать его действия против неприятеля» [8, с. 184]. В результате использовались сырой лес и «нештатные» крепежи [48, с. 218], отчего страдала конструктивная прочность.

Эти недостатки приходилось компенсировать другими средствами, что удавалось благодаря энергии Ф. Ф. Ушакова, возглавившего Севастопольскую эскадру в 1788 г. Во-первых, Ушаков смог организовать в Севастопольской гавани ремонт кораблей: в зимние периоды велась напряженная работа по подготовке судов к очередному сезону навигации. Во-вторых, высокого уровня достигла профессиональная подготовка экипажей. И в-третьих, была применена оригинальная тактика боя [31, с. 295–297], к чему противник оказался не готов. В результате в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Черноморскому флоту, который качественно и количественно уступал противнику [11, с. 57], удалось одержать ряд легендарных побед: при острове Фидониси, близ Керчи и у мыса Тендра. Это предопределило готовность Турции признать по условиям Ясского договора право

России на «совершенное и беспрепятственное владение» Крымом и Северным Причерноморьем от Буга и Днестра [36, с. 176]. То есть история предоставляла очевидные доказательства боеспособности Черноморского флота и подрывала доверие к легенде о его «бутафорском» значении.

Теперь скажем о «дворце», который, по словам Валишевского, был «построен из песчаника и вскоре развалился». В Севастополе «дворцом Екатерины» называли одно из первых зданий города – дом адмирала Ф. Ф. Мекензи. В конце XVIII в. на фоне матросских мазанок особняк мог восприниматься «богатым и комфортабельным» [47, с. 32], но был небольшим – «одноэтажным, с семью окнами по фасаду» [14, с. 12] – и в следующем веке уже оценивался как «невзрачный» [30, с. 154]. За отсутствием лучших помещений, это здание использовали в 1787 г. для приема императрицы, для чего украсили: «сделали панели из орехового дерева, стены задрапировали шелком и бархатом, украсили заморскими зеркалами и люстрами» [41, с. 20]. Но дело в том, что Валишевский говорит о некоем ином «дворце» – якобы построенном в Инкермане, и ясно, что речь идет о помещении, из которого императрица обзревала Севастопольскую эскадру.

Здесь важны детали путешествия. В Севастополь кортеж двигался из Бахчисарая. Расстояние немалое, и требовалась остановка для отдыха. Наиболее подходящим местом, по мысли Потемкина, были окрестности Инкермана, откуда открывается продольный вид на Севастопольский рейд. Отсюда путешественники и наблюдали салютующую эскадру. В уже упомянутой сцене из фильма М. Ромма это действие разворачивается в величественном здании; и съемки, очевидно, проходили в одном из столичных дворцов. На самом же деле инкерманское помещение для встречи высоких гостей не было дворцом. Местным историкам не удается обнаружить никаких следов капитального строения [43; 49]. Очевидно, существовало лишь «сооружение-однодневка», и – не из песчаника, который нигде по близости не добывался, а, надо полагать, из дерева. Учитывая значение, которое предавалось эпизоду с Севастопольской эскадрой, павильон, наверняка, был дорого и претенциозно украшен, но даже искусство драпировщиков не могло превратить временное строение в дворец. Гости находились здесь не более часа или двух, и вскоре после их отъезда павильон, скорее всего, был разобран, иначе его описания непременно запечатлелись бы в позднейших документальных источниках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, из ряда образов, призванных воплотить в себе показной характер российских успехов, в ходу остались лишь «потемкинские деревни». Но это обусловлено не фактом существования бутафорских селений (они – лишь легенда), а, думается, иными факторами. Эта метафора обладала широтой периферийной семантики. В сознании европейцев «потемкинские деревни» пробуждали целый ряд «русских ассоциаций»: фаворитизм, аграрная основа экономики, технологическое отставание, крепостное право. Кроме того, метафора подчеркивала контраст между придворной роскошью и крестьянской бедностью. Чтобы оценить этот «социальный разрыв» европейцу было достаточно совершить переезд между российскими столицами по маршруту, описанному А. Н. Радищевым. Но для рождения метафоры

понадобилось путешествие в Крым: реальные достижения России подпитывали миф о «русской угрозе», а он, в свою очередь, актуализировал поиск российских слабостей.

Список литературы

1. Адмирал Ушаков: Сборник документов и материалов. В 3-х т. – М.: Военмориздат, 1951–1956. – Т. 1. – 772 с.
2. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Худож. лит, 1988. – 528 с.
3. Богданович М. Н. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции. – СПб., 1852. – 294 с.
4. Валишевский К. Ф. Вокруг трона. – М.: Московское книгоиздательское тов-во «Образование», 1913. – 160 с.
5. Васильев А. Д. Заграничные истины: свободный мир VS тюрьма народов // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3. – С. 12–21.
6. Вернадский Г. В. Записки о необходимости присоединения Крыма к России (Из Тавельского архива В. С. Попова) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 56. – Симферополь, 1919. – С. 1–14.
7. Галушко А. Д. Концепт «оазис» в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Том 7 (73). – № 3. – С. 30–40.
8. Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. – СПб.: Севастопольский отдел на Политехнической выставке, 1872. – 260 с.
9. Гончарова О. М. «Греческий текст» в русской культуре // Культура и текст. – СПб.; Барнаул, 1997. – С. 94–100.
10. Гончарова О. М. Крым как Византия (вторая половина XVIII века) // Крымский текст в русской культуре. Материалы междунар. научной конф-ии. СПб., 4–6 сентября 2006 г. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. – С. 7–22.
11. Доценко В. Д. Морские битва России XVIII–XX веков. – СПб.: Полигон, 2002. – 224 с.
12. Дружинина Е. И. Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 367 с.
13. Душенко К. В. «Потемкинские деревни» и «фасадная империя» // Культурология. – 2018. – № 2 (58). – С. 97–101.
14. Дьяконова И. А. Екатерининский дворец // Исторические улицы и памятники Севастополя. – Симферополь: Таврия, 1996. – С. 11–12.
15. Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791). – М.: Наука, 1997. – 989 с.
16. Елисеева О. И. Геополитические проекты Г. А. Потемкина. – М., 2000. – 342 с.
17. Зверев Б. И. Страницы военно-морской летописи России. – М.: Просвещение, 1981. – 207 с.
18. История дипломатии. В 3-х т. – М.: ОГИЗ Соцэргиз, 1941–1945. – Т. 1. – 566 с.
19. Кабо В. Р. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. – М.: Восточная литература, 2007. – 328 с.
20. Кеннан Д. Ф. Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году». – М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.
21. Киндинов М. А. Казимир Феликсович Валишевский: к 170-летию со дня рождения историка // Международная научно-практическая конференция «Наука, образование, культура», посвященная 30-й годовщине Комратского государственного университета: Сб. статей. – Комрат: КГУ, 2021. – Т. 2. – С. 227–231.

22. Краснознаменный Черноморский флот. – М.: Воениздат, 1987. – 334 с.
23. *Крючков А. В.* «Греческий проект» как знаковый код культурного и политического дискурса России второй половины XVIII века // Научное обозрение: теория и практика. – 2012. – № 4. – С. 65–70.
24. *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. – СПб.: Крига, 2008. – 704 с.
25. *Лебедев А. А.* У истоков Черноморского флота России. Азовская флотилия Екатерины II в борьбе за Крым и в создании Черноморского флота (1768–1783 гг.). – СПб.: Гангут, 2011. – 831 с.
26. *Лопатин В. С.* Письма, без которых история становится мифом // Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791). – М.: Наука, 1997. – С. 473–540.
27. *Люсьи А. П.* Наследие Крыма. – М.: Русский импульс, 2007. – 240 с.
28. *Мильчина В. А.* «В наши дни большинство уток ввозится из Российской империи»: об одной газетной новости 1844 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. – № 1. – С. 225–255. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-225-255.
29. *Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* Текст пространства: материалы к словарю. – Тверь: СФК-офис, 2014. – 368 с.
30. *Монтандон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. – Киев: Стилос, 2011. – 414 с.
31. *Орехов В. В.* В лабиринте Крымского мифа. – Симферополь – Н. Новгород: «Растр», 2017. – 579 с.
32. *Орехов В. В.* Миф о России во французской литературе первой половины XIX века: Дисс. ... к. филол. н. 10.01.05. – Симферополь, 2001. – 222 с.
33. *Орехова Л. А.* О преподавании русского и национальных языков в учебных заведениях Таврической губернии первой трети XIX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Том 7 (73). – № 2. – С. 137–152.
34. *Орешкова С. Ф.* Немировский конгресс. От двусторонних осmano-российских отношений к Восточному вопросу. – М.: ИВ РАН, 2015. – 336 с.
35. *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. – СПб.: Азбука, 2000. – 463 с.
36. *Первых Д. К.* Крымская тема в редакционной политике журнала «Отечественные записки»: 1824–1825 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Том 7 (73). – № 3. – С. 168–182.
37. Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II. 1774–1790 // Русский архив. – 1880. – Кн. I. – С. 210–354.
38. Переписка Екатерины Великой с господином Вольтером. В 2-х кн. – М.: Тип-я Императорской Академии Наук, 1802. – Кн. I. – 245 с.
39. *Перминов П. В.* Посол III класса. – М.: Наука, 1992. – 296 с.
40. *Сегюр Л.-Ф.* Записки графа Сегюра о пребывании его в России в Царствование Екатерины II (1785–1789). – СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1865. – 386 с.
41. *Скориков Ю. А.* Севастопольская крепость. – СПб.: Стройиздат СПб, 1997. – 320 с.
42. *Солодянкина О. А., Солодянкин А. В.* История Соборной горы: от закладки первого камня до Днепровской политехники. Нижний город // Перспективи розвитку будівельних технологій: Мат-ли 13-ї Міжнарод. наук.-практич. конф. (18–19 квітня 2019 р., м. Дніпро). – Дніпро: НТУ «ДП», 2019. – С. 7–16.
43. *Стреленя Н.* Позвольте не согласиться, или На Каламите Екатерина II все-таки побывала (О противоречиях в публикации А. Шипенко «Инкерманский дворец императрицы» по

- поводу пути следования Екатерины из Бахчисарая в Севастополь) // Слава Севастополя. – 2011. – 2 сентября. – С. 3.
44. Храпунов Н. И. «Азиатский мираж» и будущее Крыма: проекты западных интеллектуалов // Российская империя и Крым. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. – С. 57–74.
 45. Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения: 1774–1779. – М.: Наука, 2001. – 528 с.
 46. Чирков А. Краткий исторический очерк города Херсона // Памятная книжка для Херсонской губернии на 1864 год. – Херсон: Типография Херсонского губернского правления, 1864. – С. 1–17.
 47. Шапиро А. Л. Адмирал Д. Н. Сенявин. – М.: Воениздат, 1958. – 374 с.
 48. Шериов А. П. История военного кораблестроения. С древних времен и до наших дней. – СПб.: Полигон, 1994. – 361 с.
 49. Шупенко А. Инкерманский дворец императрицы // Слава Севастополя. – 2011. – 30 июля. – С. 3–4.
 50. Leerssen J. The Rhetoric of National Character: A Programmatic Survey // Poetics Today, 2000, vol. 21, no. 2, pp. 267–292.
 51. Ségur L.-P. de. Mémoires, souvenirs et anecdotes. T. 2. Paris, 1859. 219 p.

References

1. Admiral Ushakov: Sbornik dokumentov i materialov. V 3-h t. [Admiral Ushakov: Collection of documents and materials. In 3 vols]. Moscow, Voenmorizdat Publ., 1951–1956, vol. 1. 772 p.
2. Ashukin N. S., Ashukina M. G. Krylatye slova. Literaturnye citaty. Obraznye vyrazhenija [Winged words. Literary quotations. figurative expressions]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1988. 528 p.
3. Bogdanovich M. N. Pohody Rumjanceva, Potemkina i Suvorova v Turcii [Campaigns of Rumyantsev, Potemkin and Suvorov in Turkey]. St. Petersburg, 1852. 294 p.
4. Valishevskij K. F. Vokrug trona [Around the throne]. Moscow, Moskovskoe knigoizdatel'skoe tovarishhestvo «Obrazovanie» Publ., 1913. 160 p.
5. Vasil'ev A. D. Zagranichnye istiny: svobodnyj mir VS tjur'ma narodov [Foreign truths: the free world VS the prison of peoples]. Politicheskaja lingvistika, 2013, no. 3, pp. 12–21.
6. Vernadskij G. V. Zapiski o neobходимosti prisoedinenija Kryma k Rossii (Iz Tavel'skogo arhiva V. S. Popova) [Notes on the need to annex the Crimea to Russia (From the Tavel archive of V. S. Popov)]. Izvestija Tavricheskoy uchenoj arhivnoj komissii, vol. 56. Smferopol, 1919, pp. 1–14.
7. Galushko A. D. Koncept «oazisa» v «Puteshestvii po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu» P. I. Sumarokova [The concept of "oasis" in "Travel around the Crimea and Bessarabia in 1799" by P. I. Sumarokov]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 30–40.
8. Golovachev V. F. Istorija Sevastopolja kak russkogo porta [The history of Sevastopol as a Russian port]. St. Petersburg, Sevastopol'skij otdel na Politehnicheskoy vystavke Publ., 1872. 260 p.
9. Goncharova O. M. «Grecheskij tekst» v russkoj kul'ture [“Greek text” in Russian culture]. Kul'tura i tekst. St. Petersburg, Barnaul, 1997. pp. 94–100.
10. Goncharova O. M. Krym kak Vizantija (vtoraja polovina XVIII veka) [Crimea as Byzantium (second half of the 18th century)]. Krymskij tekst v russkoj kul'ture. Materialy mezhdunar. nauchnoj konf-ii. SPb., 4–6 sentjabrja 2006 g. St. Petersburg, 2008, pp. 7–22.
11. Docenko V. D. Morskie bitva Rossii XVIII–XX vekov [Naval battles of Russia in the 18th–20th centuries]. St. Petersburg, Poligon Publ., 2002. 224 p.

12. Druzhinina E. I. *Kuchuk-Kajnardzhiskij mir 1774 goda* [Kuchuk-Kainarji peace of 1774]. Moscow, AN SSSR Publ., 1955. 367 p.
13. Dushenko K. V. «Potemkinskie derevni» i «fasadnaja imperija» ["Potemkin villages" and "facade empire"]. *Kul'turologija*, 2018, no. № 2 (58), pp. 97–101.
14. D'jakonova I. A. *Ekaterininskij dvorec* [Catherine Palace]. *Istoricheskie ulicy i pamjatniki Sevastopolja*. Simferopol, Tavrija Publ., 1996, pp. 11–12.
15. *Ekaterina II i G. A. Potemkin. Lichnaja perepiska (1769–1791)* [Catherine II and G. A. Potemkin. Personal correspondence (1769–1791)]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 989 p.
16. Eliseeva O. I. *Geopoliticheskie proekty G. A. Potemkina* [Geopolitical projects of G. A. Potemkin]. Moscow, 2000. 342 p.
17. Zverev B. I. *Stranicy voenno-morskoj letopisi Rossii* [Pages of the naval chronicle of Russia]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1981. 207 p.
18. *Istorija diplomatii. V 3-h t.* [History of diplomacy. In 3 vols]. Moscow, OGIz Socjkgiz Publ., 1941–1945, vol. 1. 566 p.
19. Kabo V. R. *Krug i krest. Razmyshlenija jetnologa o pervobytnoj duhovnosti* [Circle and Cross. An ethnologist's reflections on primitive spirituality]. Moscow, Vostochnaja literature Publ., 2007. 328 p.
20. Kennan D. F. *Markiz de Kjustin i ego «Rossija v 1839 godu»* [Marquis de Custine and his “Russia in 1839”]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2006. 240 p.
21. Kindinov M. A. *Kazimir Feliksovich Valishevskij: k 170-letiju so dnja rozhdenija istorika* [Kazimir Feliksovich Valishevsky: on the 170th anniversary of the birth of a historian]. *Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Nauka, obrazovanie, kul'tura», posvjashhennaja 30-j godovshhine Komratskogo gosudarstvennogo universiteta: Sb. statej*. Komrat, KGU Publ., 2021, vol. 2, pp. 227–231.
22. *Krasnoznamennyj Chernomorskij flot* [Red Banner Black Sea Fleet]. Moscow, Voenizdat Publ., 1987. 334 p.
23. Krjuchkov A. V. «Grecheskij proekt» kak znakovyj kod kul'turnogo i politicheskogo diskursa Rossii vtoroj poloviny XVIII veka [“The Greek project” as a symbolic code of the cultural and political discourse of Russia in the second half of the 18th century]. *Nauchnoe obozrenie: teorija i praktika*, 2012, no. pp. 65–70.
24. Kjustin A. de. *Rossija v 1839 godu* [Russia in 1839]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2008. 704 p.
25. Lebedev A. A. *U istokov Chernomorskogo flota Rossii. Azovskaja flotilija Ekateriny II v bor'be za Krym i v sozdanii Chernomorskogo flota (1768–1783 gg.)* [At the origins of the Black Sea Fleet of Russia. The Azov flotilla of Catherine II in the struggle for the Crimea and in the creation of the Black Sea Fleet (1768–1783)]. St. Petersburg, Gangut Publ., 2011. 831 p.
26. Lopatin V. S. *Pis'ma, bez kotoryh istorija stanovitsja mifom* [Letters without which history becomes a myth]. *Ekaterina II i G. A. Potemkin. Lichnaja perepiska (1769–1791)*. Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 473–540.
27. Ljusyj A. P. *Nasledie Kryma* [Heritage of the Crimea]. Moscow, Russkij impul's Publ., 2007. 240 p.
28. Mil'china V. A. «V nashi dni bol'shinstvo utok vvozitsja iz Rossijskoj imperii»: ob odnoj gazetnoj novosti 1844 g. [“Today, most ducks are imported from the Russian Empire”: about one newspaper news in 1844]. *Vestnik RGGU. Serija «Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija»*, 2021, no. 1, pp. 225–255. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-225-255.
29. Miljugina E. G., Stroganov M. V. *Tekst prostranstva: materialy k slovarju* [Text space: materials for the dictionary]. Tver, SFK-ofis Publ., 2014. 368 p.
30. Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyj kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyj vvedeniem o raznyh sposobah pereezda iz Odessy v Krym* [Traveler's guide to the Crimea, decorated with maps, plans, views and vignettes and preceded by an

- introduction about different ways of moving from Odessa to the Crimea]. Kiev, Stilos Publ., 2011. 414 p.
31. Orehov V. V. V labirinte Krymskogo mifa [In the labyrinth of the Crimean myth]. Simferopol, N. Novgorod, Rastr Publ., 2017. 579 p.
 32. Orehov V. V. *Mifo Rossii vo francuzskoj literature pervoj poloviny XIX veka. Diss. ... k. filol. n.* [Myth about Russia in French literature of the first half of the 19th century. Thesis]. Simferopol, 2001. 222 p.
 33. Orehova L. A. *O prepodavanii russkogo i nacional'nyh jazykov v uchebnyh zavedenijah Tavricheskoj gubernii pervoj treti XIX veka* [On the teaching of Russian and national languages in educational institutions of the Tauride province of the first third of the 19th century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 2, pp. 137–152.
 34. Oreshkova S. F. *Nemirovskij kongress. Ot dvustoronnih osmano-rossijskih otnoshenij k Vostochnomu voprosu* [Nemirovsky Congress. From Bilateral Ottoman-Russian Relations to the Eastern Question]. Moscow, IV RAN Publ., 2015. 336 p.
 35. Panchenko A. M. *O russkoj istorii i kul'ture* [On Russian history and culture]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 463 p.
 36. Pervyh D. K. *Krymskaja tema v redakcionnoj politike zhurnala «Otechestvennye zapiski»: 1824–1825 gg.* [The Crimean theme in the editorial policy of the journal “Notes of the Fatherland”: 1824–1825]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 168–182.
 37. *Perepiska Ekateriny Velikoj s germanskim imperatorom Iosifom II. 1774–1790* [Correspondence of Catherine the Great with the German Emperor Joseph II. 1774–1790]. Russkij arhiv, 1880, no. I, pp. 210–354.
 38. *Perepiska Ekateriny Velikoj s gospodinom Vol'terom. V 2-h kn.* [Correspondence of Catherine the Great with Mr. Voltaire. In 2 vols]. Moscow, 1802, vol. I. 245 p.
 39. Perminov P. V. *Posol III klassa* [Ambassador of the III class]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 296 p.
 40. Segjur L.-F. *Zapiski grafa Segjura o prebyvanii ego v Rossii v Carstvovanie Ekateriny II (1785–1789)* [Notes of Count Segur on his stay in Russia during the reign of Catherine II (1785–1789)]. St. Petersburg, 1865. 386 p.
 41. Skorikov Ju. A. *Sevastopol'skaja krepost'* [Sevastopol fortress]. St. Petersburg, Strojizdat SPb Publ., 1997. 320 p.
 42. Solodjankina O. A., Solodjankin A. V. *Istorija Sobornoj gory: ot zakladki pervogo kamnja do Dneprovskoj politehniky. Nizhnij gorod* [The history of Cathedral Mountain: from the laying of the first stone to the Dnieper Polytechnic. Lower City]. *Perspektivi rozvitku budivel'nih tehnologij: Mat-li 13-ï Mizhnarod. nauk.-praktich. konf. (18–19 kvitnja 2019 r., m. Dnipro)*. Dnepropetrovsk, NTU "DP" Publ., 2019, pp. 7–16.
 43. Strelenja N. *Pozvol'te ne soglasit'sja, ili Na Kalamite Ekaterina II vse-taki pobывala (O protivorechijah v publikacii A. Shipenko «Inkermanskij dvorec imperatricy» po povodu puti sledovanija Ekateriny iz Bahchisaraja v Sevastopol')* [Allow me to disagree, or did Catherine II visit Kalamita (About the contradictions in the publication of A. Shipenko “The Inkerman Palace of the Empress” about the route of Catherine from Bakhchisaray to Sevastopol)]. *Slava Sevastopolja*, 2011, 2 September, pp. 3.
 44. Hrapunov N. I. *«Aziatskij mirazh» i budushhee Kryma: proekty zapadnyh intelektualov* [“Asian mirage” and the future of Crimea: projects of Western intellectuals]. *Rossijskaja imperija i Krym*. Simferopol, Izdatel'skij dom KFU Publ., 2020. pp. 57–74.

45. Cherkasov P. P. *Ekaterina II i Ljudovik XVI. Russko-francuzskie otnoshenija: 1774–1779* [Catherine II and Louis XVI. Russian-French relations: 1774–1779]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 528 p.
46. Chirkov A. *Kratkij istoricheskij ocherk goroda Hersona* [Brief historical sketch of the city of Kherson]. *Pamjatnaja knizhka dlja Hersonskoj gubernii na 1864 god*. Herson, Tipografija Hersonskogo gubernskogo pravlenija Publ., 1864, pp. 1–17.
47. Shapiro A. L. *Admiral D. N. Senjavin* [Admiral D. N. Senyavin]. Moscow, Voenizdat Publ., 1958. 374 p.
48. Shershov A. P. *Istorija voennogo korablestroenija. S drevnih vremen i do nashih dnei* [History of military shipbuilding. From ancient times to the present day]. St. Petersburg, Poligon Publ., 1994. 361 p.
49. Shipenko A. *Inkermanskij dvorec imperatricy* [Inkerman Palace of the Empress]. *Slava Sevastopolja*, 2011, July 30, p. 3–4.
50. Leerssen J. *The Rhetoric of National Character: A Programmatic Survey* // *Poetics Today*, 2000, vol. 21, no. 2, pp. 267–292.
51. Ségur L.-P. de. *Mémoires, souvenirs et anecdotes*. T. 2. Paris, 1859. 219 p.

"RUSSIAN MYTH" AND "COMPLEX OF THE MARQUISE DE CUSTINE". PART I: CRIMEA AND "POTEMKIN VILLAGES"

Orehov V. V.

The article deals with one of the aspects of the European myth about Russia. This myth often combined mutually exclusive mythologies. The main attention is focused on the formation of the legend about the "Potemkin villages", on the role that this legend played in the general ideas of the West about Russia at the end of the 18th–19th centuries. The starting point for the analysis is the work of the Marquis A. de Custine *Russia in 1839*, which, due to its initial popularity, can serve as one of the most revealing objects for imagological observations. In Custine's book, the ambivalence of the European myth about Russia is vividly manifested: the country appears at the same time frighteningly strong and fatally weak. We call this alogism the "complex of the Marquis de Cusitin". The well-known Kustin metaphor "the kingdom of facades" was an extension of the meaning that arose at the end of the 18th century. legends about the "Potemkin villages", in the same era one should look for the political and psychological origins of the "complex of the Marquis de Custine".

Key words: imagology, Crimea, Potemkin villages, colossus with feet of clay, Crimean voyage, Kustin, Catherine II, ambivalence of myth.